

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

СОВЕЩАНИЕ ПО МЕТОДОЛОГИИ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СВЕТЕ СТАЛИНСКОГО УЧЕНИЯ О НАЦИИ И ЯЗЫКЕ

С 29 октября по 3 ноября 1951 г. в Москве происходило совещание институты Языкознания, Этнографии, Истории и Истории материальной культуры АН СССР по вопросам методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке.

Кроме научных сотрудников названных институтов АН СССР, в совещании приняли активное участие научные работники некоторых научных учреждений союзных и автономных республик, а также профессора и преподаватели высших учебных заведений Москвы и Ленинграда.

На 11 заседаниях совещания было заслушано 25 докладов и сообщений по различным вопросам, связанным как с общими методологическими проблемами исследования происхождения и развития народов и языков, так и с вопросами происхождения отдельных народов и языков (славянских, иранских, тюркских, угро-финских и др.); особое внимание было уделено размежеванию и координации работы по разным дисциплинам, изучающим эти проблемы.

Открывая совещание, акад. В. В. Виноградов указал на огромное значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», положившего начало новой эпохе в развитии науки о языке и открывшего величайшие перспективы перед всеми общественными науками.

В сталинском учении о языке получили глубокое и точное определение все те общественные явления и категории, с которыми связан язык в своем развитии.

Под влиянием ошибочных, антимарксистских концепций Н. Я. Марра и его «учеников» — археологов, историков и этнографов — в области этногенетических исследований сложилось совершенно неправильное представление о полном тождестве языка и культуры.

Антиисторизм марксистских лингвистических, археологических и этнографических построений, связанных с проблемой происхождения и развития языков и народов, усугублялся тем, что у Н. Я. Марра и его «учеников» отсутствовало марксистское представление об истории таких общностей, как племя, народность, нация. Вместо племен, народностей, наций в их представлении на исторической арене скачкообразно вращались, как белки в колесе, конгломераты «стадиально-классовых общественных слоев», посредством взрывов менявшие свою культуру, свой язык и свои названия.

«Новое учение» о языке завело в тупик и разработку важнейшего комплекса общегисторических проблем, связанных с происхождением, развитием народов. Оно привело к искажению великого сталинского учения об образовании и развитии наций и их корнях в прошлом, в докапиталистическую эпоху, — учения, являющегося ключом к разрешению всей историко-этнологической проблематики.

Работы И. В. Сталина поставили перед лингвистической и исторической наукой задачу быстрого преодоления допущенных в свое время ошибок и глубокой творческой разработки проблем этногенеза, в первую очередь методологии этногенетических исследований, вопроса о соотношении лингвистических и этнических общностей и вопросов о происхождении широких языковых общностей, языковых семей и групп языков.

Одной из задач настоящего совещания, указал акад. В. В. Виноградов, является установление творческого сотрудничества лингвистов, археологов, этнографов, историков и антропологов в разработке как общих проблем этногенеза, так и вопросов, связанных с разработкой отдельных проблем.

Заканчивая свое выступление, акад. В. В. Виноградов напомнил присутствующим высказывание И. В. Сталина о том, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики», и подчеркнул, что принцип творческих дискуссий — основной принцип развития советской науки, руководимой великим гением человечества — Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

С докладом на тему «Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза» выступил чл.-корр. АН СССР А. Д. Удадьцов. Докладчик подробно остановился на огромном значении для советской науки гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию, открывших новые пути науке в области изучения языка, исследования происхождения племен и наций.

А. Д. Удадьцов указал на ошибки своих археологических исследований, имевшие место в прошлом. Первоочередная задача советских археологов в настоящее время заключается в том, сказал он, чтобы возможно скорее окончательно освободиться от антимарксистских измышлений Н. Я. Марра и глубоко овладеть основами марксизма-ленинизма.

В свете учения И. В. Сталина необходимо установить границы археологических исследований, определить, что именно может дать археология для решения проблем этногенеза.

На основании материальных остатков прошлого археология стремится восстановить быт народа в далеком прошлом, она определяет историю территориальных изменений в жизни народа, характер и направление движения населения на определенных территориях. Археология много дает и для понимания духовной культуры на основании открываемых ею памятников искусства, наконец, археология, не решая сама языковых вопросов, может в ряде случаев сказать содействие языкознанию, предоставляя ему материал, способствующий разрешению таких вопросов.

Н. Н. Чебоксаров прочитал составленный им совместно с С. А. Токаревым доклад на тему «Методология этногенетических исследований на материале этнографии» в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Труды И. В. Сталина по языкознанию, сказал докладчик, поставили перед этнографами ответственные задачи, связанные как с ликвидацией влияния порочного учения Н. Я. Марра и его последователей, так и с разработкой ряда важнейших теоретических и конкретных исторических проблем.

Исходя из положений об исторической смене типов этнических общностей, намеченных в работах И. В. Сталина, советские этнографы прежде всего должны решить вопрос о сущности так называемого «этноса» — основного объекта изучения этнографии как науки. Для историка-марксиста понятие «этноса», или проще — народа, может иметь смысл только как общее обозначение для всех типов этнических общностей, от наиболее древних до современных. Вне родов, племен, народностей и наций не существует никаких особых «этносов», сохраняющих будто бы свою абстрактную «специфику» на протяжении всей истории человечества.

Для решения вопросов этногенеза наибольший интерес представляет изучение именно тех культурных явлений, которые связаны со специфическими особенностями исторического развития в разных природных условиях или же с этнической традицией. Используя данные этнографии при изучении этногенетических процессов, необходимо всегда четко отграничивать сходство между народами, обусловленное общностью их происхождения, от таких аналогий, которые объясняются общесторическими закономерностями, характерными для всего человечества, или же таких, которые являются результатом позднейших влияний.

Большой научный интерес представляет вопрос о соотношении языков и культур. Разработка намеченных вопросов будет продуктивной только в том случае, указывает Н. Н. Чебоксаров, если этнографы будут работать в тесном контакте с учеными других гуманитарных дисциплин, в первую очередь, лингвистами.

На заседании 30 октября был заслушан доклад Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Т. А. Трофимовой на тему «Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза».

Использование антропологического материала, как исторического источника, сказал Г. Ф. Дебеч, должно основываться на теоретической разработке соотношения антропологических типов с языковыми, культурными и этническими группировками. Смешение антропологических типов всегда является следствием исторических процессов, кроме того, антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка.

Соотношение языковых групп и антропологических типов в силу различного происхождения языковой общности в разных случаях различно. Докладчики считают, что теоретически возможно различать два пути формирования языковой общности: а) образование общности вследствие распада языка-основы, б) образование общности в результате длительных древних связей на определенной территории в условиях первобытно-общинного строя (гипотеза «первобытной лингвистической непрерывности» С. П. Толстова, «теория контакта» Д. В. Бубриха).

Общность первого типа исторически складывается либо в процессе языковой ассимиляции, либо в результате распада языка народа, расселяющегося в процессе освоения территории.

Значительная разнородность антропологических типов, входящих в состав народов лингвистически более или менее близких, почти всегда указывает на то, что формирование этой общности происходило в результате ассимиляции. Так, повидимому, обстоит

дело с распространением тюркских языков в западных областях их распространения. В тех случаях, когда формирование языковой общности связано с расселением групп по первоначально не освоенной территории, антропологический тип оказывается достаточно однородным. Примерами такого распространения являются эскимосы и полинезийцы.

Далее Г. Ф. Дебеч останавливается на роли данных антропологии в определении тех «субстратов» или «суперстратов», которые принимали активное участие в образовании отдельных народов. Докладчик указывает на необходимость комплексного подхода к изучению проблем этногенеза.

Доклад «О методе установления языкового родства», составленный П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским и Б. А. Серебренниковым, прочитал П. С. Кузнецов.

Докладчик указал основные этапы развития сравнительного языковедения, начиная с его возникновения и кончая современным его состоянием в буржуазных странах, где сравнительно-историческое языковедение, по существу, вытесняется идеалистическим структурализмом и синхронными схемами современных языковых систем.

Ближайшей задачей советской науки о языке, подчеркивает докладчик, имеющей твердую методологическую базу в основополагающих трудах И. В. Сталина, является усовершенствование сравнительно-исторического метода в направлении подлинного историзма.

Материальное родство языков состоит в материальном, звуковом соответствии значимых элементов языка, корней и грамматических формативов. В связи с этим легче всего устанавливаются родственные отношения языков флективного и агглютинирующего строя, а труднее всего языков корневых вследствие отсутствия в них словоизменительных флексий.

Звуковые соответствия родственных языков являются результатом разных эволюций одного и того же исходного материала. Эти соответствия обычно проходят по всем словам родственных языков и проявляются в лексике основного словарного фонда в тех случаях, когда данные звуки находились в одинаковых условиях.

От родственных по корням слов в родственных языках необходимо отличать заимствования, проникшие в различные эпохи из других языков: прежде всего слова (их корни), а также словообразовательные элементы; система словоизменительных элементов (глагольные и падежные флексии), как правило, не заимствуется.

При установлении языкового родства племен, народностей и наций решающими являются лингвистические данные. Несовпадение материальной культуры, нравов, обычаев и т. п. вполне возможно, если учесть специфические законы развития языка, в частности, усвоение его другим народом. Данные истории, археологии и этнографии при решении этой проблемы имеют вспомогательное значение и лишь дополняют данные лингвистические.

Доклад «Проблема образования и развития языковых семей», составленный В. В. Горнунгом, В. Д. Левиным и В. Н. Сидоровым, прочитал В. Д. Левин (см. статью этих авторов в настоящем номере журнала).

Далее было заслушано выступление В. В. Бунака на тему: «Этнические группы и антропологические типы, их взаимоотношения в процессе формирования (в связи с проблемами этногенеза)». Если на ранних ступенях развития человечества, сказал В. В. Бунак, этногенез и расогенез почти совпадают, то на поздних ступенях развития эти отношения очень усложняются. Тем не менее, каждый антропологический тип отражает когда-то существовавшую этническую общность и может быть приурочен к какой-либо территории и к какой-либо эпохе.

С докладом на тему «Языкознание и этнология-археологические науки» выступил Г. Д. Санжеев. Он отметил большое значение этнологических и археологических данных в решении вопросов образования языковых групп. Современная лингвистическая карта мира сложилась в своих основных чертах еще в период доклассового общества. Изменения, которые произошли позже — образование, например, романской или монгольской группы языков — происходили уже в рамках существующих семей языков. Нет никаких оснований предполагать, что в эти ранние эпохи отсутствовали условия для такого сближения разных племен и родов, в ходе которого могли бы образоваться новые группы языков.

Выступление Ю. Д. Дешерьева было посвящено теме: «Этапы развития скрещивания языков». Рассматривая влияние таких языков, как грузинский, азербайджанский, на небольшие бесписьменные языки — баббийский, кистинский, хиндугский и некоторые другие, докладчик показывает, что проникновение языковых явлений из одного языка в другой ограничивается главным образом лексическими и фонетическими заимствованиями. Морфологическая же система языка оказывает наибольшее сопротивление внешним влияниям.

Процесс взаимодействия языков, приводящий в конечном счете к победе одного языка и поражению другого, может быть представлен в виде следующих этапов: 1) период первичного одновязычия: в исконный язык лишь проникают влияния другого

языка; 2) период двуязычия; 3) период отмирания исконного родного языка и установление нового одновязычия.

Доклад В. С. Расторгуевой был посвящен проблеме устойчивости морфологической системы языка.

Анализ материалов крайних северных таджикских говоров Касаная и Чуста, говорит В. С. Расторгуева, показывает, что морфологическая система этих говоров в основе своей, в своем существе осталась прежней, несмотря на длительное соседство с узбекским языком и массовое двуязычие. Все формы слов, существовавшие ранее, а также все основные морфологические средства сохранились, что свидетельствует об исключительной устойчивости таджикского языка и его сопротивляемости влиянию другого языка (в данном случае — узбекского).

Но, сохраняя свою основу, морфологическая система говоров (главным образом глагольная система) все же не осталась абсолютно неизменной. Возникли новые формы, новые значения и употребления отдельных форм. Интересно отметить, что эти формы целиком включаются в грамматическую систему данного говора, и дальнейшее их развитие идет в полном соответствии с фонетическими, морфологическими и синтаксическими закономерностями своего языка.

На заседании 31 октября развернулись прения по заслушанным докладам.

Чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман подчеркнул исключительно важную роль совещания по методологии этногенетических исследований и сделал несколько частных замечаний по докладам В. Д. Левина и А. Д. Удальцова.

А. И. Попов возражал против употребления самого термина «этногенез», введенного в оборот Н. Я. Марром. Далее, он отметил, что основными для решения проблем происхождения народов являются данные языковые; данные этнография, антропологии и археологии являются вспомогательными.

Чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунский сказал, что в прошлом он всегда признавал законными разработку сравнительной грамматики и установленное ею родство языков. Свои же прежние построения, в которых он пытался эклектически соединить сравнительную грамматику с учением Н. Я. Марра о стадильности, он считает глубоко ошибочными.

Далее В. М. Жирмунский говорил о наличии в прошлом единого языка-основы, как реального языка, обладающего своим грамматическим строем, словарным составом и фонетической системой. Язык-основа это не синхронная неподвижность, а система, исторически становящаяся. Понятие языка-основы применимо только к древнейшему периоду и неприменимо к поздней исторически сложившейся языковой общности.

Н. С. Поспелов считает, что при установлении языкового родства недостаточно указания на материальное родство языков, состоящее в звуковых соответствиях значимых элементов языка (корней и грамматических формативов), так как в этом случае понятие грамматического строя подменяется понятием морфологического форматива.

Кроме того, ограничение грамматической сферы языка-основы системой словозначительных формативов делает невозможным доказательство наличия подобного языка для корняизолирующих языков, не имеющих этих формативов.

При установлении родства языков Н. С. Поспелов предлагает прежде всего учитывать близость определенных категориальных значений, так как в противном случае будет учитываться только морфологическая структура слова без учета грамматической его природы.

И. К. Кузнецкий указал на общие недостатки всех докладов — отсутствие между докладами взаимной связи и абстрактный их характер.

А. Н. Бернштам признал, что в ряде своих работ он некритически следовал за Н. Я. Марром. Главными ошибками исследователей, работавших по вопросам происхождения среднеазиатских народов, было принятие марровской «теории стадильной трансформации языков» и смешение процессов этногенеза и глоттогенеза. А. Н. Бернштам считает, что в руководящих докладах данного совещания также наблюдается тенденция к смешению происхождения народа с происхождением языка. Он упрекает языковедов в агностицизме при разрешении вопросов, касающихся древних периодов развития языков, а также вопросов, касающихся происхождения языков и происхождения крупных языковых групп.

Последователи Н. Я. Марра, отрицающая теорию праязыка, говорит М. М. Гухман, считали недопустимой и самую идею происхождения родственных языков из одного источника или языка-основы.

Рассматривая вслед за Н. Я. Марром языковое родство как нечто вторичное, М. М. Гухман, по ее собственному признанию, выдвигала раньше положение о том, что языковое родство является результатом конкретных исторических связей и схождения. Ошибочность этих построений и декларативных утверждений сейчас очевидна. Никакие схождения и исторические связи не объясняют и не могут объяснить, например в германских языках, общности части основного словарного фонда, общности надежных формативов и спряжений. Теория «первобытной лингвистической непрерывности»

является не чем иным, как новым вариантом учения о возникновении языкового родства в результате схождений и конкретных исторических связей.

Далее, М. М. Гухман останавливается на двух моментах, недостаточных, по ее мнению, освещенных в лингвистических докладах:

1) центральной проблемой при исследовании родственных языков должна быть проблема развития языка. Задачей сравнительной грамматики является восстановление языка-основы в его истории, выявление внутренних законов его развития;

2) большее место должно быть отведено изучению основного словарного фонда, исследование которого может дать богатейший материал для ряда конкретных исторических наблюдений.

В заключение своего выступления М. М. Гухман коротко остановилась на теории субстрата в применении к германским языкам, которую она считает несостоятельной.

Р. Д. Мучаплинский рассказал участникам совещания о работах антропологической секции Музея истории Азербайджанской ССР, давшей ценные материалы для освещения некоторых вопросов происхождения народов Азербайджана.

М. Г. Абдушелишивили осветил работы по изучению антропологического состава населения, проводимые антропологическим кабинетом Института экспериментальной морфологии Академии Наук Грузинской ССР.

Представление о тибетско-китайской семье языков, как об общности, еще не окончательно установленной, по мнению Б. К. Пашкова, сложилось в результате неудовлетворительности литературы об тибетско-китайской группе языков, почти полностью принадлежащей сторонникам «нового учения» о языке. Более правильным, по сравнению с высказанной на совещании В. Д. Левиным точкой зрения, является утверждение проф. А. С. Чикобава, относящего китайско-тибетские языки к семьям, установленным наукой.

В. В. Бунак остановился на вопросе о родовых языках и высказал предположение, что на ранних ступенях развития человечества контактировали не только родственные, но и неродственные языки. Он указал на недостаточное внимание языковедов к ранним периодам истории таких языков, как американские, австралийские, некоторые африканские, папуасские и т. п., на недооценку роли миграции в распространении языков.

Л. И. Жирков выразил удовлетворение тем, как было изложено докладчиками состояние сравнительно-исторического метода. Однако он отметил, что представление о сравнительно-историческом методе, как о методе универсальном, равно применимом к изучению языков любой языковой группы, несостоятельно. Применение сравнительно-исторического метода при сопоставлении языков может быть плодотворно лишь в тех случаях, когда хорошо изучен грамматический строй языка (как, например, строй индоевропейских языков); применение же сравнительно-исторического метода, лишённое твердой грамматической базы, превращается в формальное, не дающее результатов сопоставление.

В конце заседания Н. Н. Чебоксаров в своем заключительном слове возражал А. И. Попову, отрицавшему значение этнографического и особенно антропологического материала для разрешения вопросов о происхождении народов. В дополнение к сказанному в докладе Н. Н. Чебоксаров привел материалы, иллюстрирующие правильность положения И. В. Сталина о скрещивании языков и по отношению к первобытному обществу. И в первобытном обществе при скрещивании новые языки не образуются, а один язык поглощается другим (скрещивание малайско-полинезийских языков с папуасскими привело к победе первых, а не к образованию каких-либо новых языков, качественно отличных от тех и других).

В своем заключительном слове П. С. Кузнецов, возражая Н. С. Поспелову, указывает, что нельзя говорить о категориях и их родстве вне связи с материальными морфологическими элементами, их выражающими, так как без материального родства этих элементов не может быть установлено и родство категорий. Кроме того, только сущность категория вне связи с выражающими ее формативами не является критерием родства языков. Выдвижение на первое место категория ведет к типологическому, а не к конкретно-историческому исследованию. Путь, указанный Н. С. Поспеловым, легко может привести к установлению понятийных категорий.

Отвечая А. Н. Бернштаму, П. С. Кузнецов указывает, что обращение лингвистов к языкам более поздним, чем родовые или племенные, объясняется не агностицизмом, а отсутствием необходимых данных, позволяющих говорить о родстве этих языков.

В. Д. Левин подробно останавливается в своем заключительном слове на замечаниях В. В. Бунака, касающихся роли миграций для распространения языков и вопросов скрещивания языков в период верхнего палеолита.

Необходимо указать, говорит В. Д. Левин, что ни одна из современных нам языковых семей не восходит к эпохе верхнего палеолита, следовательно, вопрос о процессах скрещивания языков в тот период может быть разрешен только принципиально.

Самый факт схождения генетически различных языков, на который указывает В. В. Бунак, не вызывает ни сомнений, ни возражений. Основное — результат схождения. Лингвисты считают, что и в более ранние периоды контактирование разных язы-

нов должно было приводить к поглощению одного языка другим, а не к созданию нового третьего языка. Те товарищи, которые полагают, что скрещивание в доклассовом обществе будто бы носило принципиально иной характер, жестоко ошибаются. Признание иного результата скрещивания характеризует точку зрения марристов. Теория «первобытной лингвистической непрерывности» С. П. Толстова, допускающая создание непрерывности в результате длительного контактирования родовых языков, разрозненных по своему образованию, является ошибочной.

В. С. Расторгуев в заключительном слове полемизирует с Н. С. Поспеловым, возражая против основного его тезиса о том, что при установлении родства надо, в первую очередь, обращать внимание на близость грамматических категорий. В докладе было показано, что общность категорий не всегда может рассматриваться в качестве основного критерия установления родства.

На вечернем заседании 31 октября были заслушаны доклады Б. В. Горнунга и П. Н. Третьякова.

Б. В. Горнунг в докладе «О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков» отмечает основные недостатки реконструкций, производившихся представителями младограмматического направления. Основываясь на гениальных трудах И. В. Сталина, советские языковеды должны преодолеть эти недостатки.

Но из этого не следует, что марксистское историческое языкознание должно отказаться как от попыток реконструкции «древнейшего состояния» индоевропейских языков, так и от попыток определения характера индоевропейской языковой общности на разных этапах ее развития. Эти работы должны продолжаться и продолжаться.

Наиболее вероятными гипотезами в определении характера индоевропейской языковой общности являются следующие: 1) составляющие эту общность диалекты были территориально соприкасающимися, хотя они и могли обладать собственными чертами грамматического строя и основного словарного фонда, в них нераздельно могли происходить общие явления; 2) время образования индоевропейской языковой общности — эпоха выделения скотоводческих племен с патриархальным строем из примитивно-земледельческих племен с матриархальным строем; археологически — это конец неолита и начало эпохи бронзы; хронологически — не позже начала третьего тысячелетия до н. э.; 3) территория — относительно замкнутая область южной части средней или юго-восточной Европы; 4) социальная организация — племенной союз родственнических племен, с возможным включением и неродственных племен, ранее усвоивших язык господствующей части племенного союза.

В заключение Б. В. Горнунг особо останавливается на отношении хетто-лувийской группы языков к другим группам индоевропейских языков.

С докладом на тему: «Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян» выступил П. Н. Третьяков.

Новейшие археологические данные, указал докладчик, говорят о том, что племена восточных славян, упомянутые в начальной летописи, ведут свою историю не с VI—VII вв., как предполагалось, а с более раннего времени.

Археология свидетельствует, что славяне представлены уже культурой «полей погребения» в среднем Поднепровье и на Днестре. Так как славянская культура близка культуре «полей погребения» пшеворской культуры Повисленья и предшествующей ей лужицкой культуры, то можно предположить, что на данной территории предков славян можно было найти уже во 2-м тысячелетии до нашей эры в виде трех групп: лужицкой, верхнеднепровской и связанной со скифским миром днепровско-среднеднепровской. Предков славян следует искать среди скотоводческой группы племен шнуровой керамики по Висле, Отеру, верхнему и среднему течению Днепра.

А. Н. Трофимова в своем докладе, озаглавленном «Палеоантропологические материалы к разработке проблемы этногенеза славян» отметила разнобразие антропологических типов, распространенных среди славянства в прошлом и настоящем. Часть этих типов является общей как для славян, так и для соседних племен — иллирийских, фракийских, кельтских, балтийских, финских. Большая часть антропологических типов, установленных у славян раннего средневековья, прослеживается и у древнейшего населения на тех же территориях.

По докладу Б. В. Горнунга и П. Н. Третьякова выступил А. В. Арпиховский и й, признавший, что и он, будучи противником «нового учения» о языке, иногда под влиянием марристских идей все же допускал неточные формулировки при разрешении вопросов о происхождении славян.

По вопросу о распаде индоевропейской языковой общности А. В. Арпиховский высказал мнение, что, судя по археологическим данным, эпоху этой общности надо отодвинуть на одно тысячелетие назад по сравнению с той датировкой, которую дал Б. В. Горнунг (первая половина 3-го тысячелетия до н. э.). Он возражал также и П. Н. Третьякову по вопросу о расселении славян: близость между собой славянских языков объясняется сближением славян в процессе борьбы с Византией и германцами.

На заседании 1-го ноября А. Н. Насонов в своем докладе «О некоторых

вопросах образования древнерусской народности» указал, что в состав древнерусской народности вошли две основные группы восточнославянского населения — северная, среди которой наиболее значительным было племя кривичей, и южная — потомки антов. В IX в. в области среднего Поднепровья существовало, повидимому, государство, носившее имя «Русской земли», которое и явилось территориальным и политическим ядром Киевского государства. С образованием Киевского государства усилилось сближение северной части восточного славянства с южной. В пределы отдельных феодальных «земель» Киевского государства входили и неславянские племена, которые ассимилировались славянами. Так образовалась древнерусская народность, к которой восходят все три братских народности — белорусская, украинская и белорусская.

В докладе П. И. Кушнера «К вопросу об этногенезе литовцев» развивалось положение о том, что происхождение литовцев связано с проникновением в Прибалтику в начале 2-го тысячелетия до н. э. каких-то племен или отдельных родов, двигавшихся из северного Черноморья. Следующим вторжением, повлекшим за собой крупные изменения в этническом составе населения Прибалтики, является вторжение немецких рыцарей в средние века. Докладчик отметил тысячелетие литовско-славянские культурные связи и многовековое соседство литовцев со славянами.

Б. В. Миллер в докладе «К вопросу о классификации иранских языков» указал на обширность территории, занимаемой этими языками в настоящее время, и особенно в древности, что исключает всякую возможность предположения о существовании некогда на всем этом пространстве единого народа, создавшего единый иранский язык. Распространение иранской языковой группы явилось результатом расселения древнего ирано-язычного коллектива и иранизации иных племен и народностей. В настоящее время отдельные иранские языки очень разошлись, что затрудняет выявление основных черт иранского языка-основы. Несомненно только то, что иранский язык-основа — это уже язык, отличный фонетически, морфологически и в известной степени лексически от индийского. Территорией складывания иранского языка-основы была Средняя Азия, точнее район Хорезма.

До сих пор классификация иранских языков (по горизонтали: северная, средняя и южная часть, по вертикали: восточная и западная) производилась на основе только фонетических признаков, что недостаточно. Основными классификационными признаками Б. В. Миллер предлагает считать не только фонетические признаки, но и признаки морфологические, синтаксические и лексические.

В. И. Абаев, выступивший по докладу Б. В. Миллера, указал на ошибки Н. Я. Марра в области этногенеза осетин, но ничего не сказал о своих собственных ошибках в этой же области, явившихся следствием развития В. И. Абаевым положений Марра по вопросам к истории осетинского языка и народа. Разрешение вопроса о том, как осетины попали в центр Кавказа и оказались среди неиранского населения, связано, прежде всего, с исследованиями В. Ф. Миллера, который показал, что язык осетин — продолжение языка скифов и сарматов. По Н. Я. Марру, из «скифской протоплазмы» выплывают языки славянские, иранские, чувашский и т. д. путем «стабилизированных трансформаций». На самом деле, древние свидетельства указывают на родство скифов с мидийцами и парфиянами, безусловно иранскими народами.

По докладу П. И. Кушнера выступил Б. В. Горнунг с рядом конкретных критических замечаний. Между прочим он указал, что формирование балтйской группы языков и историческое сложение литовской и латышской народностей отделены друг от друга периодом в $2\frac{1}{2}$ —3 тыс. лет.

Б. И. Сидоров отметил, что доклад П. Н. Третьякова вызывает много недоумений. Мало обоснована трактовка П. Н. Третьяковым его карт, которые он считает «документом». Известно, что сам П. Н. Третьяков трактовал свои схемы сначала в духе теорий Н. Я. Марра; теперь же он трактует их как-то иначе. Из доклада не ясно, как могли независимо друг от друга образоваться северная и южная группы восточных славян: у докладчика получается, что две группы родственных языков возникают из разных местных основ. Неясно также, как происходило выделение славян из более обширной группы племен.

В. И. Сидоров указывает также и на существенное расхождение П. Н. Третьякова со славистами в определении времени консолидации славян. П. Н. Третьяков считает, что консолидация начинается с середины 1-го тысячелетия н. э.; слависты же считают, что в это время происходило уже расхождение славянских языков, а их языковое единство относится к более раннему времени.

Далее с докладом на тему «Заселение севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху» выступил А. Я. Брюсов. В противоположность мнению буржуазных археологов о том, что мезолитическая и неолитическая культуры проникают на север территории Советского Союза с запада, имеющиеся у нас данные, говорит докладчик, позволяют предполагать, что север Европейской части СССР был заселен в мезолите с востока, из среднего Зауралья. В 3—2 тысячелетия до н. э. север заселяется снова из волжско-окского водораздела неолитическим населением, видимо, предками финно-язычных племен.

Большеземельская тундра была заселена позднее — во 2-й половине 2-го тысячелетия до н. э. В это же время на Оку с юга проникают степняки.

С. В. Иванов в своем докладе «Материалы изобразительного искусства и проблема культурно-исторических связей хантов и манси» доказывал важное значение данных сравнительного изучения орнамента для установления культурно-исторических связей между народами и, в известной мере, для решения некоторых вопросов этногенеза. Так, для всех основных четырех типов орнаментов обских угров восточной границы их распространения является Енисей. Задавшие границы распространения типов орнаментов обских угров уходят к народам европейской части Советского Союза. Орнамент обских угров свидетельствует о культурной общности в прошлом народов Урала с народами северного Алтая и народов Хакассии с народами Поволжья.

Выступивший вновь в прениях А. И. Попов выразил сомнение по ряду выдвинутых в докладе П. Н. Третьякова положений. Он сомневается в том, что славяне в 1-м тысячелетии до н. э. занимали всю, намеченную для них П. Н. Третьяковым, территорию и, в частности, были уже на Днепре. А. И. Попов полагает, что славяне стали контактировать с финскими и угорскими племенами позже индо-иранских, балтийских и даже германских племен.

Б. А. Серебряников, высказываясь по докладу А. Я. Брюсова, приводит топонимические данные, которые помогают разъяснить сложную проблему заселения севера европейской части СССР. Названия рек и населенных пунктов многих районов европейской части СССР имеют на конце элементы «ма», «га», «кша» (ша) (все эти элементы, кроме «ма», ранее были обозначением реки). Эти названия распространены от Печоры до Финляндии, они также захватывают и Волжско-Окское междуречье. Буржуазные националисты выдвинули миф о том, что коми-зыряне заселяли территории до Колласа, однако на территории коми таких названий нет. Зато аналогичные названия можно встретить на Двине и на Мезени. Отсюда следует, что население в дославянский период в районе Волжско-Окского междуречья было однородно, отсюда пошла колонизация на север и на северо-восток. На каком же языке говорило население на этой территории? Возможно, что это был общевосточный язык, существовавший и в то время, когда угро-финский распался. Очевидно, к этой группе языков принадлежал и язык муромы. Приведенные топонимические данные могут подтвердить гипотезу А. Я. Брюсова о родстве населения Севера и Волжско-Окского междуречья.

В. И. Лыткин в своем выступлении высказал мнение о том, что если есть язык-основа, то должен быть и народ-основа. Так как культура изменяется гораздо быстрее, чем язык, то этнографы и археологи представляют обычно слишком малые данные для решения этого вопроса; бессильна в вопросах этногенеза Восточной Европы и антропология. Данные языковедия более надежны (например, исследования лексики угро-финских языков).

В. И. Лыткин, возражая П. Н. Третьякову, отрицает существование славян в бассейне Волги во втором тысячелетии до н. э., так как в марийском и удмуртском языках нет заимствований из славянского языка-основы.

Тов. Соловьев в связи с докладом П. Н. Третьякова поднял вопрос об антах, об их исчезновении и высказал предположение, что россы восприняли культуру и язык, который был создан антами до VI в.

На заседании 2 ноября с докладом «К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы» выступил Н. Н. Чебоксаров, который отметил, что доклады языковедов, прочитанные на данном совещании, заставили его значительно пересмотреть свои взгляды. Н. Н. Чебоксаров отказался от тех своих работ, в которых он некритически использовал положения «нового учения» о языке, с одной стороны, а с другой — вообще недооценивал данные языка для решения проблем этногенеза.

Языку-основе должен соответствовать и народ-основа — такого общего положения Н. Н. Чебоксарова. Роль этнографии и антропологии, так же как и археологии, в разрешении проблемы происхождения больших групп родственных народов и заключается в том, чтобы помочь лингвистам в поисках той этнической общности, которая говорила на языке-основе, а также в том, чтобы раскрыть ту конкретную историческую обстановку, в которой эта общность складывалась и развивалась.

При решении вопросов этногенеза антропологи должны изжить влияние марксистских концепций, и, следовательно, отказаться от примитивного понимания взаимоотношений между антропологическими типами и этнической общностью. Этнографические данные должны рассматриваться вместе с археологическими, так как они взаимно дополняют друг друга. Для проблемы этногенеза имеет большое значение разработанное советскими этнографами учение о хозяйственно-культурном типе и историко-этнографических областях. Так например, для угро-финских народов, согласно историко-этнографическим указаниям, характерна культурная неоднородность. Но можно утверждать, что все угро-финские народы в развитии рыболовства и его типе связаны с западной Сибирью, а в отношении развития характерного лесного земледелия — с восточной Европой, в частности со славянами и литовцами. Наконец, угро-финские народы имели культурные связи с степными народами, первоначально ирано-

язычными, а затем и тюрко-язычными. Угро-финская общность существовала до распространения земледелия. Приуралье и Южный Урал являются наиболее вероятным районом обитания угро-финского народа-основы, занимавшегося, вероятно, главным образом, рыболовством.

С докладом на тему «К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы» выступил В. Н. Чернецов. Изложив мнение Д. В. Бубриха, подтвердившего общность между финно-угорскими и самодскими языками, докладчик указал, что старые авторы первоначально искали место происхождения финно-угорских племен к востоку от Урала; затем — в областях к западу от Урала, к северу от Кавказа и по средней Волге. Схемы, ими созданные, были основаны лишь на лингвистических данных без учета археологических и этнографических материалов и поэтому страдают большой искусственностью. Учитывая, что в пределах финно-угорской языковой общности прослеживаются общие охотничьи и рыболовецкие термины, можно отнести время образования этой общности к неолиту. Территория распространения различных групп гребенчатой керамики можно в общем сопоставить с распространением финно-угорской общности.

В прениях на утреннем заседании 2-го ноября В. М. Бахтa в резкой форме, не приводя никакого фактического материала, возражал против распространения положения И. В. Сталина о скрещивании языков на доклассовое общество и на период перехода к классовому обществу. По его мнению, поглощение одного языка другим в это время если и имело место, то далеко не всегда и далеко не везде, а существовали какие-то иные формы скрещивания языков. Обвиняя всех языковедов в начетничестве, В. М. Бахтa своим выступлением показал яркий образец примитивизма и начетничества.

В. В. Бунак, останавливаясь на вопросе образования языковых семей, также выразил сомнение в том, что положение о победе одних языков над другими при скрещивании можно распространять на начальные стадии развития человечества.

А. Н. Бернштам отметил, что необходимо бороться с укрепившимся мнением о том, что каждый народ обязательно происходит от древних предков, живших на этой же территории. Попытки изоляции от иноэтнических элементов, попытки найти чистое «генеалогическое древо» воспитывают лишь ультранационалистические концепции.

А. И. Попов упрекал Б. А. Серебренникова в неисторическом, по его мнению, подходе к анализу топонимических данных, часть которых, судя по документам, например, по писцовым книгам, имела раньше совсем другой характер, чем тот, который они приобрели впоследствии под влиянием русского языка.

А. И. Козаченко поставил вопрос об организации постоянной комиссии по вопросам этногенетических исследований, которая бы координировала работу институтов Академии Наук СССР в этой области. Затем А. И. Козаченко сделал несколько критических замечаний по докладу А. Н. Насонова.

В своем заключительном слове Н. Н. Чебоксаров остановился на выступлении В. М. Бахтa по вопросу о характере скрещивания языков в первобытную эпоху истории человечества. Н. Н. Чебоксаров указал, что высказывания И. В. Сталина по этому вопросу не оставляют места сомнению в том, что в результате скрещивания на разных ступенях развития человечества тоже происходило поглощение одних языков другими, что подтверждается и фактами.

Вечером 2-го ноября с докладами выступили Н. А. Баскаков и Г. М. Василевич.

В своем докладе «К вопросу о классификации тюркских языков» Н. А. Баскаков указывает, что тюркская общность языков выделялась из общности тюрко-монгольской, а эта последняя — из алтайской, включавшей и языки тунгусско-маньчжурские. Процесс формирования тюркских языков зависел от развития тюркских племен, народностей и наций, причем длительность существования того или иного союза родственных племен определяла и устойчивость их языка. Особо следует оговорить смешанные и скрещенные племена и народности, в языках которых обнаруживаются субстраты иных языков.

Н. А. Баскаков считает, что классификация тюркских языков должна исходить из периодизации развития тюркских народов и их языков, с учетом специфики каждой возникающей общности; что эта классификация должна учитывать совокупность всех признаков, указывающих на сходства и различия языков в их основном словарном фонде и грамматическом строе.

С докладом на тему «К вопросу о начале становления тунгусских языков» выступила Г. М. Василевич, предложившая новую классификацию тунгусско-маньчжурских языков, а именно деление на тунгусские и маньчжурские языки, с подразделением тунгусских языков на подгруппы: сибирскую (язык эвенков, эвенков и негидцев) и нижне-амурскую (языки нанайцев, ульчей, арапов, арачей и удгейцев). Г. М. Василевич изложила свою концепцию расселения тунгусских групп по северной Сибири из района оз. Байкал. Выделяя в тунгусских языках разные пласты по древности их образования, Г. М. Василевич пытается проследить по данным языка также историю развития хозяйства и культуры тунгусских народов.

Б. О. Долгих в своем сообщении «О некоторых этногенетических процессах в Северной Азии» на примерах из истории якутов, эвенков, эскимосов и других народов показал, что на разных ступенях развития патриархально-родового строя, начиная от самых ранних форм, когда еще не все формы патриархального рода были налицо (чукчи, эскимосы) и до перехода его к ранне-классовым общественным отношениям (якуты) при скрещивании народов и языков действуют одни и те же закономерности, установленные Н. В. Сталиным. При скрещивании языков этих народов побеждал один из скрещивающихся языков. Побежденные же языки лишь обогащали словарный фонд победившего языка, влияли на его фонетику, что способствовало в некоторых случаях появлению новых диалектов.

М. Г. Левин указал в ответ на одно из возражений А. И. Попова, что значение антропологического и этнографического материалов не в установлении родства языков, а в установлении тех исторических процессов, с которыми связано распространение населения, говорившего на тех или иных языках. Это свое положение М. Г. Левин иллюстрировал антропологическими и этнографическими данными о народах Амура.

Выступление В. А. Аврорина было посвящено резкой критике доклада Г. М. Васильевич, в котором он отметил ряд методологических ошибок. В частности в вопросах происхождения тунгусских языков, по мнению В. А. Аврорина, Г. М. Васильевич сбивается на марровское толкование результатов скрещивания языков.

И. И. Потехин указал, что в выступлениях ряда ораторов, в частности А. И. Попова, звучало преувеличение значения языкознания в исследованиях по происхождению народов и недооценка роли этнографии и археологии. Эта точка зрения может привести к отрыву изучения истории языка от истории народов.

Г. Д. Сапжеев квалифицирует как панический этнографизм попытки Г. М. Васильевич восстановить, руководствуясь методами сравнительного языкознания, не только язык-основу тунгусско-маньчжурской группы, но и быт тунгусов в ранние периоды их существования. Подобного рода построения, не подкрепленные данными антропологии и археологии, являются преждевременными. Лингвистов совершенно напрасно упрекают в недооценке материалов археологии, антропологии и этнографии. В тезисах лингвистических докладов говорится, что язык — важнейший признак, но не единственный. Лингвистов очень интересуют данные названных наук, проливающие свет на ранние периоды жизни народа.

Б. А. Серебренников возражает А. И. Попову, охарактеризовавшему приведенные им топонимические данные как «марровские упражнения». А. И. Попов не владеет методами лингвистического исследования. Указанные элементы топонимических названий та, ма, кша (ша), — говорит Б. А. Серебренников, — не бессмысленны, они некогда означали «река». Указанные же А. И. Поповым переделки названий рек русским населением данными топонимики не подтверждаются.

Г. М. Васильевич в своем заключительном слове отвечала на возражения В. А. Аврорина и Г. Д. Сапжеева.

Утреннее заседание 3 ноября началось с выступления Л. И. Лаврова на тему «Вопросы происхождения народов северо-западного Кавказа». Докладчик развил гипотезу о происхождении народов северо-западного Кавказа от древних кичмений, сохранившихся здесь и в Крыму после того, как они были вытеснены скифами из причерноморских степей. В своем докладе Л. И. Лавров допустил некоторые неточности в формулировках по вопросам скрещивания и распространения языков на ранних этапах развития человеческого общества, создавших впечатление, что докладчик придерживается марровской теории развития языков от множества к единству и марровской теории скрещивания.

Доклад Д. А. Ольдерогге «Об этногенезе народов центрального Судана» был посвящен проблеме происхождения народа хауса. Автор развил интересную гипотезу о том, что хауса являются потомками древнего населения Сахары и в подтверждение своего положения провел ряд параллелей между языком хауса и языком древних египтян.

Несколько странно прозвучал доклад Н. А. Бутинова о «Происхождении австралийцев и меланезийцев». По существу, о происхождении этих народов докладчиком сказано было очень мало и в самой общей форме. Главный тезис доклада заключался в том, что названные народы развивались на своей территории на основе «первоначальной лингвистической непрерывности». Но в доказательство этой теории сколь угодно научно-проверенных фактов докладчик не привел.

Прения по докладу открылись выступлением Е. И. Крупнова, который положительно оценил доклад Л. И. Лаврова, считая, что в нем была убедительно доказана древность населения Северо-западного Кавказа.

П. С. Кузнецов в своем выступлении еще раз подчеркнул, что многообразие языков — результат распада языка-основы, поэтому защиту теории «лингвистической непрерывности» в докладе Н. А. Бутинова следует признать неправильной, к тому же Н. А. Бутинов не привел ни одного аргумента в пользу родства упомянутых в его докладе языков. Археологи упрекали здесь лингвистов, что они не занимаются

древними родовыми языками, но лингвисты и не могут ими заниматься ввиду отсутствия материала; данные для решения этих проблем — у антропологов.

Г. Д. Санжеев отмечает, что теория «первобытной лингвистической непрерывности» не может быть принята языковедами и защита ее некоторыми археологами и этнографами, например Н. А. Бутиновым, вызвана неправильным представлением как о характере языка-основы, так и о характере самой «лингвистической непрерывности».

В. Д. Яев и резко возражал против положений, которые выдвинули Н. А. Бутинов и В. М. Бахта. Если считать, что процессы развития языка и в частности скрещивания происходили в доклассовом обществе иначе, нежели в классовом, то тем самым Н. Я. Марр будет реабилитирован, так как его «теория скрещивания» касалась именно этих «сумерек доистории». Теория «первобытной лингвистической непрерывности» — это путь к сохранению положений «нового учения» о языке. Сторонники этих взглядов готовы механически перенести учение И. В. Сталина о судьбе языков в будущем бесклассовом обществе на доклассовое общество. Однако из работ И. В. Сталина ясно видно, что образование классов не внесло никаких изменений во внутреннюю структуру языка. И в доклассовом обществе шла борьба (но не классовая), и в нем одни роды могли поглощать другие. Преувеличенные интегральных моментов в доклассовом обществе также являются отголоском «нового учения». Процессы дифференциации здесь несомненно преобладали.

Д. А. Ольдерогге указал, что доклад Н. А. Бутинова вызывает только недоумение у этнографов и ярко показывает, к чему может привести некритическое отношение к теории «первобытной лингвистической непрерывности», которую надо признать в корне ошибочной.

Т. А. Трофимова обращает внимание на важность изучения начальных этапов становления и развития языков, в частности этапа развития от родовых языков к племенным.

Вечером 3 ноября Л. И. Лавров в своем заключительном слове полемизировал с Г. Д. Санжеевым. Н. А. Бутинов, признав недостаточность своего фактического материала, заявил, однако, что «еще неизвестно, кто прав» в вопросе о «первобытной лингвистической непрерывности».

Подводя итоги работы совещания, заместитель директора Института этнографии М. Г. Левин указал, что, декларируя необходимость увязки данных языка с данными исторических дисциплин, Н. Я. Марр и его последователи на самом деле отрицали возможность комплексного разрешения проблемы этногенеза. Н. Я. Марр и его последователи третируют этнографическую работу и огульно охаживали антропологические исследования. На этом совещании не раз говорилось о соотносительности ценности лингвистических, этнографических и антропологических материалов. Бесспорно, однако, что этнографические и антропологические данные для решения вопроса о родстве языков ничего не могут дать.

Серьезным проблемом совещания М. Г. Левин считает отсутствие дискуссии по вопросу о внутренних законах развития языка, очень важному и для этнографической проблематики. Не получило также должного освещения и положение И. В. Сталина о развитии «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным». Почти не обсуждались на совещании вопросы о ранних этапах развития языков.

Нам необходимо, говорит М. Г. Левин, общими усилиями разработать вопросы происхождения народов нашей страны, которые сейчас, когда пишутся и переиздаются учебники истории для высшей школы, приобретают особую актуальность.

От Института истории материальной культуры выступил с подведением итогов директор Института А. Д. Удальцов. Он выразил удовлетворение дискуссией, прошедшей в значительной степени под знаком критики и самокритики. В ходе совещания было достигнуто единство мнений по некоторым основным вопросам, получившим свое освещение в трудах И. В. Сталина.

Ближайшими задачами, стоящими перед советскими археологами, говорит А. Д. Удальцов, являются археологическое обследование Белоруссии и отчасти Украины в связи с проблемами происхождения славянства; проблема заселения севера в неолите; проблема происхождения индоевропейцев, в частности установление их основной территории. Здесь надо обратить особое внимание на культуры эпохи бронзы в пределах Восточной Европы.

От Института языкознания выступил заместитель директора Б. А. Серебряный и подчеркнул, что только совместные усилия лингвистов, антропологов, археологов, этнографов и историков могут привести к выяснению сложнейших путей распространения языков и образования различного рода этнических общностей. Без приращения данных археологии, антропологии, истории и этнографии нельзя ничего сказать о том, где первоначально возник народ, говоривший на интересующем нас языке, всегда ли он говорил на этом языке, с какими другими народами он мог соприкасаться и взаимодействовать на протяжении своего исторического развития.

Институт языкознания с удовлетворением констатирует, что обосновываемая им гипотеза о реальности исторического существования языка-основы не вызвала никаких возражений и была принята преобладающим большинством археологов, антропологов и этнографов. Язык-основа какой-либо языковой семьи — это не библейский праязык, это первоначальный толчок и первооснова всех языков мира; это язык, легший в основу исторически засвидетельствованной группы родственных языков. Каждый язык-основа входил в определенную цепь сменяющих друг друга языков-основ в результате их распада. Начало этого процесса теряется в глубокой древности и не засвидетельствовано.

Утверждение гипотезы о реальности существования языков-основ и их распада, подтвержденное выводами из гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, наносит сокрушительный удар марровской теории скрещения.

Институт языкознания с удовлетворением отмечает признание на совещании несостоятельности теории «первобытной лингвистической непрерывности», направленной против гипотезы существования языка-основы. Доклад Н. А. Бутинова, выступившего с апологией этой теории, и выступление В. М. Бахта обнаружили невероятную путаницу взглядов и еще лучше подтвердили ошибочность этой теории, сочетаемой в этих выступлениях с вульгарно-социологической трактовкой отдельных сталинских положений.

Целый ряд интересных, содержательных докладов историков, антропологов и археологов окончательно убедил лингвистов в необходимости более внимательного отношения к результатам исследований ученых, работающих в области смежных наук, помогающих лингвистам изучать сложное и многогранное явление — человеческий язык.

У лингвистов нет в настоящее время никаких принципиальных разногласий с большинством археологов, историков, антропологов и этнографов.

Совещание по вопросам этногенеза, конечно, не разрешило всех вопросов. Очень мало на совещании говорилось о таких проблемах, как связь явления языка с историей общества, о внутренних законах развития языка.

Лингвисты надеются, что это совещание будет началом тесного повседневного сотрудничества ученых разных специальностей. Необходимо и в дальнейшем практиковать подобные совещания: в спорах и дискуссиях, в обстановке борьбы мнений, свободной и творческой целеустремленной критики, несомненно, будет укрепляться научное сотрудничество лингвистов, археологов, историков, этнографов и антропологов, необходимое для создания подлинно марксистской науки о происхождении языков и народов.

Участники совещания с огромным воодушевлением приняли приветственное письмо лучшему другу Советских ученых великому Сталину.

В. А. Плотникова

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

13—17 августа 1951 г. в городе Горно-Алтайске состоялась научная конференция по вопросам алтайского языка и литературы. В работе конференции, организованной по решению горно-алтайских областных организаций, принимали участие ученые-лингвисты и литературоведы Алтая, преподаватели Горно-Алтайского учительского института, учителя средних школ и представители партийных и советских организаций и учреждений Горно-Алтайской автономной области и Алтайского края, а также ученые, приглашенные из Москвы, Ленинграда и Новосибирска.

Конференцию открыл председатель Областного Совета депутатов трудящихся Горно-Алтайской Автономной области И. И. Тухтубаев. В своей вступительной речи он сказал, что трудящиеся алтайцы достигли больших успехов в развитии своего народного хозяйства и культуры только благодаря Советской власти, благодаря руководству большевистской партии и лично товарища Сталина, благодаря помощи великого русского народа. Он отметил также роль в развитии алтайской культуры алтайского языка, на котором ведется ныне преподавание в школе, печатаются учебники, научная, общественно-политическая и художественная литература, издается 12 газет.

После выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, указал т. Тухтубаев, изучение алтайского языка должно развиваться на основах сталинского учения о языке. Вот почему нам необходимо успешно разрешить все задачи поставленные перед конференцией.

Конференция с большой торжественностью и подъемом избрала в свой почетный президиум членов Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.